

УДК 930.1.29

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
ПОЛОЖЕНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА (1917 г.)***канд. ист. наук А.И. ГАНЧАР**(Гродненский государственный аграрный университет)*

Рассматриваются мероприятия Временного правительства в области положения римско-католического духовенства в стране. Освещаются действовавшие в Российской империи законодательные нормы в отношении приходского и монашеского римско-католического духовенства. Отдельное внимание уделяется правам и обязанностям архиепископа-митрополита и епархиальных епископов, регламентации отношений между светскими и духовными властями. Анализируются мотивы представителей Римско-Католической Церкви и правительства при принятии решений.

Ключевые слова: *Российская империя, Временное правительство, Римско-Католическая Церковь, духовенство.*

Введение. Реформирование Временным правительством законодательства по отношению к Римско-Католической Церкви (далее – РКЦ) не были предметом пристального внимания исследователей [1, с. 178–182; 2, с. 297–301; 3, с. 262–271]. О.В. Яновская, Е.Н. Филатова отметив, что 1917 г. положил начало кардинальным изменениям в конфессиональной политике в отношении ко всем без исключения конфессиям, более детально рассматривали таковые лишь по отношению к Православной Церкви [4, с. 324–325]. Дж.М. Кроче, О.В. Серова, З.П. Яхимович, В.П. Гайдук в коллективном труде также только обозначили круг решаемых Временным правительством вопросов в отношении РКЦ [5, с. 25–80, 95–115].

В данной статье впервые в отечественной и зарубежной историографии рассматриваются причины, мотивы, факторы, повлиявшие на решения Временного правительства на законодательное изменение сложившейся в Российской империи системы обеспечения прав и обязанностей римско-католического (далее – р.-к.) духовенства. Особое внимание уделено регламентации общих прав и обязанностей р.-к. духовенства, изменению законодательных норм по отношению к приходскому и монашескому р.-к. духовенству, архиепископу-митрополиту и епархиальным епископам, пересмотру отношений между светскими и духовными властями.

Основная часть. Возвещенные Временным правительством в декларации от 6 марта 1917 г. начала вероисповедной свободы – отмена всех конфессиональных ограничений – вызвали необходимость согласования с действовавшими в стране по делам веры законоположениями. Для выполнения указанной задачи при МВД были образованы, под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского, Особое совещание по вопросам, общим для всех исповеданий, и специальная Комиссия по пересмотру законодательства, определявшего положение РКЦ в Российской империи. В порядке постепенности было предложено образовывать такие комиссии отдельно по каждому из остальных иностранных и иноверных исповеданий [6, лл. 1–2].

В состав Комиссии по делам РКЦ в России 23–26 апреля 1917 г. МВД были приглашены следующие лица: представители министерств внутренних дел, военного, юстиции, иностранных дел, народного просвещения и Св. Синода (по одному от каждого из этих ведомств по их назначению), агент по р.-к. духовным делам в Риме Л.Г. Лесли, директор государственного и петроградского главного архива министерства иностранных дел (далее – МИД) князь Н.В. Голицын, управляющий Могилевской р.-к. архиепархией (с правом заменять себя на заседаниях другим лицом), от имени Луцко-Житомирского р.-к. епископа каноник С. Лозинский, от имени Тираспольского р.-к. епископа каноник К. Климашевский, от имени временно управляющего частью Виленской р.-к. епархией прелат И. Садовский, от имени временно управляющего частью Тельшевской р.-к. епархии профессор священник Б. Жонголович, члены Государственного Совета А.Э. Мейштович и К.Г. Скирмунт, члены Государственной Думы ксендзы С. Мацевич и Ф. Рачковский, ректор р.-к. духовной семинарии прелат И. Балтрушис, профессор р.-к. духовной академии С. Пташицкий, главноуполномоченный центрального обывательского комитета В.Ф. Грабский, бывший член 1 и 2 Государственной Думы Ф.И. Новодворский, петроградский декан почетный каноник К. Будкевич, вице-официал Могилевской р.-к. духовной коллегии (далее – РКДК) почетный каноник В. Плоскевич, виленский р.-к. епископ барон Э. Ропп (председатель подкомиссии для разработки вопроса об имущественных правах РКЦ), В.П. Шейн, Н.Ф. Каптерев, профессор П.Н. Жукович, барон М.Ф. Шиллинг. Приступив к занятиям 5 мая 1917 г., Комиссия прежде всего нашла необходимым определить точным образом объем и основные начала, а также наметить план предстоящих ей к выполнению задач [7, л. 16; 5, лл. 2–3].

Разработка законодательных норм, которые разрешали бы основные вопросы об отношении государства к отдельным исповеданиям, подлежала, по мнению Комиссии, ведению имевшегося быть созданным Учредительного собрания. Равным образом к кругу занятий Комиссии не мог быть отнесен пересмотр

узаконений, общих для всех исповеданий. Эта задача возлагалась на упомянутое выше Особое совещание. За выделением этих двух областей, все остальные законоположения о РКЦ в России Комиссия признала подлежащими ее пересмотру.

Обращаясь к установлению принципов, которые надлежало бы положить в основу предстоящих работ, Комиссия не могла не отметить, что действовавшее законодательство о РКЦ было проникнуто ограничительными началами, обусловленными в значительной мере соображениями национально-политического характера. В новых условиях государственной жизни страны такие соображения, очевидно, не могли иметь места. Вместе с тем, естественным последствием возвышенных начал вероисповедной свободы являлось признание за РКЦ права на самоуправление в области внутренней церковной жизни. Исходя из приведенных предпосылок Комиссия и подвергла пересмотру действовавшие о РКЦ в Российской империи законоположения [8, л. 103–103 об.].

Общие права и обязанности р.-к. духовенства.

Постановления действовавшего законодательства, определявшего общие права и обязанности р.-к. духовенства, белого и монашеского, были размещены частью в Уставе иностранных исповеданий (далее – Уст. ин. исп.), частью – в Законах о состояниях (далее – Зак. о сост.).

Ознакомившись с законоположениями, помещенными в Уст. ин. исп. (ст. 96–108), Комиссия выделила в особую группу те статьи закона, которыми устанавливались права р.-к. духовенства на получение содержания, прогонных и суточных денег, пенсий, пособий и вспомоществований (ст. 98 и второе к ней примечание, ст. 99, 101, 102, 103). Обсуждение этих статей Комиссия полагала отложить впредь до пересмотра общего по таким предметам законодательства. Что касается статей закона, в которых содержались указания о подчиненности р.-к. духовенства епархиальному начальству, порядке увольнения священнослужителей в отпуск, недопустимости отсылки духовенством за границу своих доходов, правах на награждение наперсными крестами, а также ношения дистинкторных крестов и о призвании в монастырях престарелых и одержимых неизлечимыми болезнями священнослужителей (ст. 96 с прим., ст. 97 с прим. 1 и 2, ст. 104, ст. 105 с прим., ст. 107), то к сохранению отмеченных статей в действовавшем Своде законов Комиссия не видела оснований, тем более, что устанавливаемые ими правила представлялись или излишними, или утратившими свое значение в новых условиях жизни страны. В частности, ст. 106, предусматривавшая возможность сопричисления духовных лиц р.-к. исповедания к российским императорским и царским орденам, Комиссия полагала изложить в следующей редакции: «духовные лица р.-к. исповедания могут быть награждаемы установленными в России знаками отличия» [8, лл. 121об. – 122].

Перейдя затем к законоположениям, помещенным в Зак. о сост., Комиссия остановила свое внимание на ст. 396 и ст. 397. По силе ст. 396 лица духовного состояния не подлежали телесному наказанию. Содержавшееся в этой статье указание утратило свое значение еще в 1904 г., на основании ст. 6 высочайшего манифеста от 11 августа 1904 г., и потому статья эта подлежала исключению из Свода законов [9, с. 856–871. ПСЗРИ-3. Ст. 25014]. Согласно же ст. 397 лица духовного состояния, за исключением монашеских, могли приобретать и отчуждать всеми законными способами земли и дома в селениях и городах с соблюдением установленных на то правил [11, с. 119]. По мнению Комиссии надлежало и из ст. 397 исключить указание на ограничение прав монашеских. Так как, однако, статья эта относилась к духовным лицам всех христианских исповеданий, то Комиссия полагала в тексте, за словами «за исключением монашеских», включить слова «кроме монашеских р.-к. исповедания».

Заканчивая пересмотр законов, которыми определялись общие права и обязанности р.-к. духовенства, Комиссия не могла оставить без внимания и требования действовавшего закона, касавшихся принесения присяги при определении к духовным должностям. Из сопоставления ст. 31 и ст. 45 Уст. ин. исп. видно, что присяга на верность службы должна была приноситься при назначении на должности р.-к. епархиальных начальников, а равно при определении в настоятели р.-к. церкви или монастыря, в члены коллегии, консистории, академии или в должность викарных священников [10, с. 4]. Таким образом, священник, прошедший последовательно должности от викария до епископа, обязан был по закону шесть раз принести присягу на верность службы. Такое требование, не вызываемое к тому же государственной необходимостью, не могло не ронять самого обряда присяги. Вследствие этого Комиссия признала желательным установить в законе, что присяга приносится лицами р.-к. духовенства только при первоначальном определении их на службу. Находя вместе с тем применяемую форму присяги подлежащей изменению, Комиссия выразила пожелание о выработке более совершенной ее формы.

Наряду с определением прав и обязанностей р.-к. духовенства, действовавший закон устанавливал также и известные запреты в отношении него. Так, по силе ст. 63 и ст. 64 Устава благочиния и безопасности (далее – Уст. благоч. и безоп.), изд. 1916 г., р.-к. духовенству в Западных губерниях запрещалось иметь в домах, церквях и монастырях для услужения лиц православного исповедания, а равно посылать в р.-к. церкви к слушанию службы вместе с католиками и детей православного исповедания [12, с. 18]. Содержавшиеся в этих статьях требования, по мнению Комиссии, подлежали отмене.

На основании всего вышеизложенного Комиссия полагала:

1) ст. 31 и 96 и прим. к ней, ст. 97 (Уст. ин. исп., по прод. 1906 г.) и прим. к ней 1 и 2 (по прод. 1906 г.), прим. I к ст. 98, 104, 105 и прим., и ст. 107, ст. 396 Законов о сост. и ст. 63 и ст. 64 Уст. благоч. и безоп. – отменить;

2) ст. 45 (Уст. ин. исп., по прод. 1906 г.) и ст. 106 изложить в следующей редакции: ст. 45 «лица р.-к. духовенства, при первоначальном определении их на службу, приносят на верность службы присягу по установленной форме»; ст. 106 «духовные лица римско-католического исповедания могут быть награждены установленными в России знаками отличия»;

3) ст. 397 Зак. о сост., изд. 1899 г., после слов «за исключением монашествующих» дополнить словами «кроме монашествующих р.-к. исповедания» [8, л. 121 об. – 122].

О духовенстве приходском.

Положение белого приходского р.-к. духовенства определялось ст. 79–81 Уст. ин. исп., изд. 1896 г., и ст. 460–465 Законов о состояниях, изд. 1899 г. [10, с. 10–11; 11, с. 124–125]. Из числа статей закона, помещенных в Уставе ин. исп., ст. 81, вменявшая приходскому священнику в обязанность осведомление населения о высочайших манифестах и тому подобных актах, путем оглашения их в р.-к. церкви, равно как и примечание к этой статье, содержащее руководящие указания в отношении посещения селений и школ р.-к. священниками в приходах поселян-собственников, Комиссия полагала отменить, как утратившую свое значение. Что касается ст. 80, которая перечисляла, хотя и не исчерпывающим образом, при исполнении каких именно треб р.-к. священники должны были соблюдать и гражданские постановления, то статья эта, по мнению Комиссии, подлежала следующему изменению в редакционном отношении: «при исполнении духовных треб по церковным уставам священники соблюдают и все относящиеся к этим требованиям гражданские законы и основанные на них предписания гражданской власти» [8, л. 116]. Наконец, ст. 79, определявшая права приходского священника по управлению церковью и исполнению духовных треб в приходе, осталась в силе.

Обращаясь затем к постановлениям закона о белом духовенстве, содержащимся в законах о состояниях, Комиссия приняла во внимание, что, по силе ст. 461 этих законов, вступление в белое р.-к. духовенство уволенных обществами лиц бывшего податного состояния всех наименований ставился в зависимость от разрешения губернаторов. Между тем, п. 6 отдела II, последовавшего в порядке ст. 87 основного закона именного высочайшего указа 5 октября 1906 г. – об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний – было постановлено следующее: «освободить сельских обывателей и других лиц бывших податных состояний от необходимости предъявления ими при поступлении в монашество увольнения от общества, согласия казенной палаты и разрешения губернатора» [13, с. 893. ПСЗРИ-3. Ст. 28392]. Таким образом, содержащееся в ст. 461 требование утратило силу еще в 1906 г. и потому статья эта подлежала исключению из Свода законов.

В связи с исключением ст. 461, Комиссия полагала, соответственно принципу признания за РКЦ прав на автономию в области внутренней церковной жизни, отменить также и ст. 463, согласно которой разрешение губернатора требовалось не только при поступлении в духовное звание, но и при приеме в учебные заведения, приготовлявшие к этому званию.

Находя затем излишним сохранение в действовавшем законе подобных, предъявляемых ст. 462, требований, чтобы поведение лица, вступающего в духовное звание, соответствовало важности принимаемых им на себя обязанностей, Комиссия высказалась за отмену и этой статьи. Приняв, однако, во внимание, что в тексте отменяемой ст. 462 содержалось, между прочим, требование о том, чтобы к вступлению в духовное звание не было «законных препятствий», Комиссия полагала целесообразным ст. 460, согласно которой в р.-к. белое духовенство могли вступать лица всех вообще состояний р.-к. исповедания, дополнить указанием «при отсутствии препятствий, действующими законами устанавливаемых», исключив в связи с этим заключительные слова этой статьи «с соблюдением правил, изложенных в нижеследующих статьях» [8, л. 116].

Наконец, по мнению Комиссии, подлежала изменению в редакционном отношении и ст. 464, содержащая перечень доказательств состояния для белого духовенства. Из этой статьи Комиссия полагала исключить доказательства, помещенные под п. 1 и п. 3 (указы и высочайшие повеления о пожаловании в высшие духовные достоинства и причислении к орденам, а также хранившиеся у местных губернаторов именные списки духовенства). В п. 2 той же статьи, упоминавшем об актах посвящения лица в духовное звание и назначение его к приходу, слова, «к приходу» – заменить словами «к должности» [8, л. 116об.].

О духовенстве монашествующем.

Действовавшие в 1917 г. законоположения о р.-к. монашествующем духовенстве были давнего происхождения. Перенесенные в кодексы Российской империи из законов, существовавших в присоединенных к империи землях Речи Посполитой, законоположения эти, в значительной степени, хотя и не во всей полноте, закрепляли принятые в РКЦ правила. Подробная нормировка светским законодательством различных сторон религиозной жизни католиков в условиях прежнего государственного строя представлялась вполне понятной. В 1917 г., когда Временным правительством была возведена свобода совести, когда за РКЦ были признаны права на самоуправление в области внутренней церковной жизни, вмешательство в эту область светского закона следовало ограничить лишь теми предметами, которые имели более или менее серьезное значение для государства.

Установив такую принципиальную точку зрения, Комиссия обратилась к пересмотру постановлений действовавшего законодательства: о порядке управления монастырями, об условиях вступления в монастыри и об имущественных правах монашествующих.

Порядок управления монастырями определялся ст. 82–95 Уст. ин. исп., изд. 1896 г. Обозревая эти статьи, Комиссия не могла не усмотреть, что некоторые из них устанавливали участие гражданской власти в сфере наблюдения за монастырями (ст. 90 и ст. 92), другие, подчиняя монастыри главному ведению и надзору архиепископа или епископов, касались, вместе с тем, способов осуществления этого надзора со стороны р.-к. духовных властей (ст. 83, ст. 91, прим. к ст. 93, ст. 94 и ст. 95). Наконец ст. 85–87 определяли порядок управления монастырями со стороны непосредственного монастырского начальства [10, с. 11]. Комиссия не нашла достаточных государственных оснований к сохранению этих статей в действовавшем Своде законов, и потому полагала их отменить. Равным образом, по мнению Комиссии, подлежала отмене и ст. 82 Уст. ин. исп., в которой содержалось указание на подразделение монастырей на мужские и женские и пояснялось вместе с тем, что число монастырей и распределение их по классам определяется штатами, а порядок вступления в монастыри – законами о состояниях. При этом, однако, Комиссия сделала оговорку, что с отменой действия ст. 82 в отношении возникновения новых р.-к. обителей, за существующими монастырями должны быть сохранены все права на содержание, определенное им действовавшими штатами.

Перейдя затем к рассмотрению статей 84, 88 и 89, Комиссия полагала изложить их в следующей измененной редакции:

1) ст. 84 – «монастыри мужские и женские управляются по их правилам и уставам в пределах, допускаемых гражданскими законами»; слова «в пределах, допускаемых гражданскими законами» включены взамен слов «поколикую сии правила и уставы сообразны с общими о р.-к. духовенстве узаконениями и с гражданскими постановлениями»;

2) ст. 88 – «в случае недостатка белого духовенства, в должности приходских священников могут быть употребляемы и монашествующие священнослужители». Исключены слова: «при сем они обязаны сохранять приличные знаки монашеской одежды и наблюдать правила своего ордена, поколикую сие будет совместно с должностью приходских священников»;

3) ст. 89 – «в каждой обители должна быть заведена шнуровая книга (ст. 985 и 986 Зак. о сост.), в которую записываются все принимаемые в монастырь и в новициат». Исключены слова «за печатью консистории и за скрепой одного из членов оной и секретаря», а также слова «с означением числа и номера данного министерством внутренних дел разрешения на поступление в монастырь; в ней отмечаются хронологическим порядком отлучки их, увольнения, переходы из одной должности в другую и командировки, также поступление монахов и прочих лиц из других монастырей. Сии книги должны быть ведены столь же исправно и чисто, как книги прихода и расхода денежных сумм» [8, л. 117].

Условия вступления в р.-к. монастыри.

По силе действовавшего закона (ст. 467–469 Зак. о сост., изд. 1899 г., и п. 4 ст. 71 Уст. ин. исп., изд. 1896 г.) желавшие поступить в монастырь обращались с просьбой о том к губернскому начальству, которое, удостоверившись, что проситель не состоит под судом или уголовным следствием, сообщало о поступившем к нему ходатайстве, вместе с метрикой о рождении просителя или просительницы, епархиальному начальству, которое входило с соответственным представлением в РКДК, откуда дела такого рода поступали на окончательное разрешение МВД. При этом, кроме условия о ненахождении под судом, требовалось, чтобы лицо, желавшее вступить в монашество, имело не менее 19 лет от роду. Произнесение затем торжественных обетов (*vota solomnia*), знаменовавших окончательное поступление в монастырь, допускалось не ранее достижения новицием 22-летнего возраста и посвящения его в иподиаконский сан [10, с. 9; 11, с. 126–127].

Из приведенного обзора установленных в действовавшем законе правил видно, что окончательное зачисление в монастырь было поставлено ими в зависимость от разрешения министра внутренних дел. Такой порядок находился несомненно в полном несоответствии с началами свободы совести: нельзя ставить в зависимость от усмотрения гражданской власти решение вопроса о предоставлении тому или иному лицу отдалиться исключительно делу спасения своей души. Поэтому установленное в ст. 468 правило, в силу которого решающая роль в деле вступления в р.-к. монастыри принадлежало министру внутренних дел, подлежала безусловной отмене. С устранением участия в делах указанного рода министра внутренних дел, вступление в монастыри не могло быть, однако, поставлено в исключительную зависимость и от разрешения р.-к. епархиальной власти, так как по силе канонических правил РКЦ, в монастыри был открыт свободный доступ всем, кому это не было запрещено общим каноническим правом или особыми уставами данного ордена. Согласие же епископа, если таковое испрашивалось, находило себе обоснование скорее в обычном, чем в писанном праве. Исходя из этих соображений, Комиссия полагала, не подвергая законодательной нормировке вопроса о власти, разрешавшей вступление в монастыри, ограничиться сохранением в законе лишь условий, которым должно отвечать лицо, намеревавшееся, вступить в монастырь.

Действовавший закон, как отмечено было выше, ставил вступление в монастырь в зависимость от двух условий: не находиться под судом или уголовным следствием и достижения 19-летнего возраста.

Согласно канонам РКЦ, в монастыри не допускались следующие лица: не достигшие лет разума, тупоумные и психически больные; принуждаемые или желавшие принять монашество для земных выгод; состоявшие в браке («*post matrimonium consumatum*») без согласия другого супруга; обремененные большими дол-

гами, превышающими материальные средства кандидата; дети, родители которых или ближайшие родственники были слишком бедны и нуждались в попечении, равным образом родители, не окончившие еще воспитания детей; обязанные отчетом по ведению общественных или частных дел; присужденные к тяжким наказаниям, лишавшим чести, а также состоявшие под судом или следствием; не достигшие законного возраста, которым для вступления в мужские монастыри считалось 15 лет, а для женских и менее, при условии, однако, недопущения новициев к произнесению обетов простых ранее достижения 16 лет и торжественных – 19 лет.

Из вышеуказанного видно, что требование действовавшего закона о несостоянии лица, намеревавшегося вступить в монастырь, под судом и следствием, совпадало с аналогичным требованием канонического права. Находя, вследствие этого, излишним сохранение в действовавшем Своде законов специальной по означенному предмету нормы, Комиссия полагала ст. 467 Зак. о сост. отменить.

Что касается вопроса о возрасте, в котором допускалось вступление в монастыри, то вопрос этот действовавшим законом решался различно в отношении монашествующих различных исповеданий. Но даже по одному р.-к. исповеданию закон устанавливал различные возрасты для монашествующих внутренних губерний Российской империи и для губерний Царства Польского, требуя в последних от поступавшего в монастырь достижения 24 лет от роду с тем, чтобы торжественные обеты были принесены не ранее 30-летнего возраста.

В то время, как в р.-к. монастыри могли вступать лица, не моложе 19 лет, для вступления в православные монастыри был установлен согласованный с правилами РПЦ возраст в 30 лет для мужчин и в 40 лет – для женщин. Фактически, однако, по православному исповеданию бывали случаи зачисления в монашество и лиц, которые не достигли указанного в законе возраста. Если такое отступление от требований, касавшихся возраста, являлось для вступающих в православное монашество изъятием из закона светского и духовного, то в отношении приема в р.-к. обители понижение возрастной нормы, как видно из приведенной справки, находило бы себе обоснование и в канонах РКЦ. В связи с этим некоторыми членами Комиссии был поднят вопрос о понижении возраста для вступления в р.-к. монастыри.

Изыскивая способы разрешения этого вопроса, Комиссия подвергла его обсуждению с точки зрения последствий, связанных с принесением тех или иных монашеских обетов. В данном отношении Комиссией было принято во внимание, что принесение торжественных обетов влекло за собой гражданскую смерть монашествующего: изъятие его из сферы государственного оборота. Лишаясь имущественных прав и по наследованию, такое лицо, в силу действовавших законов, не подлежало в то же время привлечению к отбыванию воинской повинности. Представлялось естественным, что государство не могло не считаться с такими последствиями, имевшими значение не только гражданско-правовое, но и общегосударственное. Иное, однако, положение создавалось в связи с принесением простых обетов. В этом случае монашествующий не изымался из сферы государственного оборота, утрачивая только дееспособность, он для государства все же «не умирал». Исходя из приведенных соображений, Комиссия признала необходимым установить два различных возраста: один для вступления в монастыри, а другой – для принятия торжественных монашеских обетов.

При обсуждении вопроса о том, каким именно возрастом подлежало бы обусловить в законе вступление в монастыри, некоторыми членами Комиссии было выражено пожелание об удержании возраста, требуемого действовавшим законом. Более высокий возраст, по мнению внесших такое предложение, обеспечивал до известной степени защиту от влияния тех или иных лиц из состава р.-к. духовенства или мирян-родственников, заинтересованных в принятии монашеского сана. Не оставлено было при этом без внимания и сильное влияние р.-к. духовенства на паству вообще и женщин – в особенности. После обмена мнениями Комиссия признала, однако, более соответственным установить для вступления в монастыри возраст брачного совершеннолетия, который, казалось бы, в достаточной степени гарантировал сознательность предпринимаемого шага.

К принесению же торжественных монашеских обетов, по мнению Комиссии, надлежало бы допускать в таком возрасте, когда данное лицо уже выполнило свою обязанность по явке к исполнению воинской повинности, т.е. не ранее достижения 22 лет от роду. Находя вместе с тем, что в предварительном посвящении кандидата в иподиаконский сан государство не может быть заинтересовано, Комиссия полагала содержащееся по этому предмету в ст. 469 требование исключить. По приведенным выше соображениям Комиссия полагала:

- а) ст. 467 и ст. 468 Зак. о сост. отменить;
- б) ст. 469 изложить в следующей редакции: «желающие вступить в р.-к. монастыри и религиозные общины должны иметь брачный возраст; к принесению же торжественных обетов они допускаются по достижении 22 лет от роду»;
- в) ст. 470 изложить в следующей редакции: «вступление в монашество доказывается: монастырскими книгами, в которые должны быть записываемы все принимаемые в монастыри и новициаты (ст. 89 Уст. ин. исп., изд. 1896 г.) и законными свидетельствами, даваемыми от монастырского начальства».

Из прежнего текста этой статьи были исключены п. 1 со словами «данном министерством внутренних дел разрешением на принятие просителя в монастырь» и из п. 2 слова «число и номер разрешения и». В соответствии с произведенными исключениями изменилась и нумерация пунктов.

Закончив пересмотр законоположений о порядке управления р.-к. монастырями и условиях вступления в монашество, Комиссия перешла к вопросу *об имущественных правах монашествующих* (ст. 471–476 Зак. о сост. и ст. 1171 Зак. гражд., изд. 1914 г.).

Связанный с монашеством обет нестяжания и отречения от мира был обусловлен, по действовавшему закону, ограничением имущественных прав монашествующих. Перед принесением торжественных обетов вступивший в монастырь обязан был распорядиться принадлежавшим ему имуществом и отречься вместе с тем от всякого вообще имения, которое могло перейти к нему по наследству. После пострижения монашествующие обоего пола лишались права владеть названным имением. Из состава имущества, которое по закону упало бы на долю монашествующего после родителей, он мог требовать, для вклада в монастырь или для другого по его воле назначения, не более десятой доли, с обращением таковой в деньги. Если же монашествующий до принесения обетов не распорядился об отчуждении принадлежавшей ему недвижимости, то она поступала к его наследникам. Вклады монашествующих мужского пола, а равно, принадлежавшая им движимость, после смерти монашествующих обращалась в собственность монастыря. При поступлении в монастырь лиц женского пола, вклады их или так называемые приданные деньги вносились в государственные кредитные учреждения с тем, чтобы процент с них получал монастырь в течении жизни монахини. После же ее смерти капитал с наросшими процентами переходил к законным наследникам умершей, а за неявкой таковых в узаконенный срок обращался в собственность монастыря [11, с. 127–128; 14, с. 600].

Вопрос об имущественных правах монашествующих вызвал в Комиссии очень оживленный обмен мнениями между представителями ведомств с одной стороны и представителями РКЦ – с другой. В то время, как первые высказывались за сохранение действовавших постановлений закона, вторые, напротив того, отстаивали мнение о необходимости полной их отмены. Доводы представителей ведомств сводились к следующим основным положениям:

1) ограничения монашествующих по владению и распоряжению недвижимым имуществом в государственных законах последовательно и строго проведены в отношении монашествующих всех вообще исповеданий, где институт монашества существовал;

2) при таких условиях снятие имущественных ограничений с монашествующих р.-к. исповедания, создавая для них особо привилегированное положение, по сравнению с православным монашествующим духовенством, явилось бы в то же время ничем иным, как частичным разрешением общего вопроса о положении монашествующих, что было, по мнению МВД, нецелесообразно и недопустимо;

3) имущественные ограничения, равно как и другие в отношении монашествующих, установленные в действовавшем законе, могли получать полное освещение и разрешение, с точки зрения государственно-правовой, лишь при разработке основных положений об отношении государственной власти к церквям и исповеданиям, каковая задача входила в круг действий имевшего быть созданным Учредительного собрания.

Поддерживая приведенные соображения формального характера, представители ведомств обращали, между прочим, внимание и на то обстоятельство, что действовавший закон, наряду с ограничительными в области имущественных прав монашествующих нормами, устанавливал также и известные привилегии для монашествующих, например: по отбыванию натуральных повинностей, несению выборных служб в сельском и волостном управлениях и т.п. Равным образом за сохранение действовавших правил, по мнению представителей ведомств, говорили и соображения государственно-экономического характера, приводившие нередко к необходимости секуляризации монастырских имуществ и капиталов.

Развивая далее свой взгляд, представители ведомств указали также, что с признанием за монашествующими прав по владению и распоряжению имуществами не исключалась бы в иных случаях возможность влияний со стороны монастырского начальства, направленных к отказу монашествующим в пользу монастыря от принадлежавшей ему недвижимости. Между тем, согласно основным началам науки гражданского права, юридическими последствиями могли сопровождаться лишь такие проявления воли человека, которые являлись совершенно свободными, а так как в рассматриваемом случае, воля монашествующего оказалась бы в той или иной степени подавленной, то и значение такого волеизъявления, с точки зрения юридической, представлялось бы подорванным. Наконец, по мнению представителей ведомств, едва ли было бы целесообразным возбуждение вопроса об имущественных правах монашествующих в данный политический момент, когда социалистическими партиями, действовавшими в стране, проводилось требование о конфискации всех монастырских земель.

Представители РКЦ мнение свое о необходимости отмены законоположений, ограничивавших имущественные права монашествующих, основывали на следующих соображениях.

Каноны РКЦ не содержали в себе общего и безусловного ограничения имущественных прав монашествующих. Некоторым категориям монашествующих владение и распоряжение имуществами не возбранялось. При таком положении, сохранение в действовавшем законе общего ограничения имущественных прав монашествующих не находило бы, в отношении монашествующих указанных категорий, оснований в каноническом праве. Однако и в тех случаях, когда действовавший закон закреплял в данном отношении каноническую норму, он, тем не менее, подлежал отмене в силу ряда причин:

1) торжественный обет по существу своему являлся актом моральным, устанавливавшим личное свободное отношение индивида к Богу и Церкви; связывая с этим актом ограничение имущественных прав

(ст. 471), государство вторгалось в область интимной, религиозной жизни личности и вносило внешние принудительные нормы в личные отношения к Богу; заставляя перед принесением обетов отречься от имущества, государство тем самым понуждало, с одной стороны, к принесению обетов, а с другой, в виду утраты имущества, – к пребыванию в монастыре, т.е. к исполнению обетов; закрепление же данного лица за монастырем являлось посягательством на его религиозную свободу;

2) правовое государство лишало личность гражданских прав лишь по суду за те или иные преступления. Между тем, применяя ст. 471, государство хотя и закрепляло каноническую норму, однако, в то же время обезличивало гражданина и притом несоответственными средствами; находившая себе оправдание в условиях старого государственного строя ст. 471 в демократическом государстве терпима быть не могла.

Гражданские последствия обетов были признаны в XIX в. в некоторых западноевропейских государствах (Австрии, Баварии, Бадене и Пруссии). Вскоре, однако, они были отменены. В мотивах к § 7 австрийского права (1874 г.) было указано, что государство не может лишать граждан естественных неотъемлемых прав. В мотивах прусского права 31 мая 1875 г. говорилось, что в монастырях обетами уничтожается личная деятельность воли и мышления, т.е., духовная личность, и потому такие учреждения не могут быть терпимы государством. В Италии и Бельгии монашествующие обладали имущественными правами: им давалась Римским Папой диспенсация от обета нестяжательства в известных пределах. Специалисты по этому вопросу (Маассен, Гайшиус, Рнш, Винэ, Якобсон и др.) давно осудили норму об ограничении имущественных прав монашествующих, поскольку она находила себе место в законодательстве Западной Европы. Там вообще этот вопрос был решен окончательно в 1871 – 1878 гг. и больше не обсуждался.

Выслушав приведенные выше соображения, Комиссия склонилась к мнению, что доводы представителей ведомств, имея за собой известные как формальные, так и бытовые основания, не предreshали еще вопроса об имущественных правах монашествующих по существу. Между тем, нельзя было не признать, что сохранение в силе действовавших ограничительных норм, едва ли оправдывалось бы соображениями государственной необходимости. Если Комиссия на предыдущих заседаниях признала возможным подчинить р.-к. монашеские ордена и духовные конгрегации в отношении их возникновения и деятельности общему порядку, установленному постановлением Временного правительства от 12 апреля 1917 г. для обществ и союзов, то казалось бы последовательным и соединенное со вступлением в монашество принесение монашеских обетов не ставить в зависимость от специального закона (ст. 471). В связи с этим, естественно, возникал вопрос, не создает ли отмена ст. 471 условий, благоприятствовавших чрезмерному нарастанию монастырских недвижимостей и капиталов за счет отказов в пользу монастырей со стороны лиц, приемлевших монашество.

Вопрос этот подлежал бы разрешению в положительном смысле лишь в том случае, если бы отмена ст. 471 знаменовала собой снятие ограничений также и в области имущественных прав монастырей. Между тем, с отменой ст. 471, касавшейся имущественных прав только лиц, вступавших в монастыри, отнюдь не вносились еще какие-либо изменения в область имущественных прав монастырей, по отношению к которым продолжали пока сохранять свою силу действовавшие законоположения, подчинявшие их регламентации правительственной власти. По мнению МВД, в существовавших условиях необходимо было признать, что предоставление имущественных прав монашествующим не могло вызывать серьезных опасений.

Сохранение в силе ограничительных в области имущественных прав монашествующих законоположений, едва ли находили себе оправдание и опасения возможных влияний на волю монашествующих со стороны монастырского начальства, так как и в мирских условиях, вне монастырей, воля одних лиц нередко порабощалась волей других. А при таком положении, опасению возможного порабощения воли монашествующего со стороны монастырского начальства могла быть противопоставлена возможность других случаев давления на индивидуальную волю со стороны общества. Возможно было также идущее со стороны родственников влияние на волю лица еще до вступления его в монастырь в видах использования его имущества. Свободное проявление воли в указанных случаях, очевидно, ограничивалось бы с той только разницей, что в первом случае имущество поступало бы в пользу монастыря, а в последнем – в пользу родственников.

Отмена законоположений, ограничивавших имущественные права монашествующих р.-к. исповедания, создала бы для них особо привилегированное положение, по сравнению с монашествующими других исповеданий, так как и в отношении имущественных прав последних ограничительные нормы могли бы быть отменены при предстоящем пересмотре подлежащих законоположений. Между тем, сохранение невызываемых государственной необходимостью ограничений в отношении какого-либо исповедания потому только, что такие же ограничения существовали в отношении последователей и иных исповеданий, в условиях обновленного на началах вероисповедной свободы государственного строя не могло иметь места.

По приведенным соображениям, Комиссия признала соответственным стст. 471–476 Зак. о сост. и ст. 117¹ Зак. гражд., изд. 1914 г., отменить. При этом, однако, Комиссия нашла необходимым, чтобы в мотивах, пояснявших принятие ею такого решения, были освещены с возможной полнотой соображения, приводившиеся как в пользу сохранения ограничительных норм, существовавших в области имущественных прав монашествующих, так и за отмену таковых [8, лл. 117–121].

Права и обязанности р.-к. архиепископа-митрополита и епархиальных епископов.

Права и обязанности р.-к. архиепископа-митрополита предусмотрены были статьями 46, 47 и 48 Уст. ин. исп. Определяя положение митрополита среди прочих епископов лишь в каноническом отношении, статьи эти, по мнению Комиссии, не могли иметь места в светском законодательстве. Комиссия высказалась за исключение их из действовавшего свода законов тем более, что в основание этих статей была положена, в свое время, цель, путем возвышения авторитета митрополичьей власти, создать в Российской империи такое положение РКЦ, при котором она, в сфере управления, находилась бы в возможно меньшей зависимости от Апостольского Престола.

Перейдя затем к рассмотрению статей закона, которым регламентировались права и обязанности епископов (ст. 49–61 Уст. ин. исп.), Комиссия приняла во внимание, что некоторые из этих статей (51, 52 и 61) определяли, подобно указанным выше, каноническое положение епископов, вытекавшее из существа епископского сана, другие (ст. 49 в той ее части, где епископу вменялось в обязанность охранять права самодержавной власти, и ст. 58, запрещающая повсеместное в епархии торжественное молитвословие в память кого-либо из скончавшихся частных лиц) – утратили свое значение в новых условиях жизни страны. Равным образом сохранение в действовавшем своде законов статей 56 и 57 Уст. ин. исп. – о правах епископов по раздаче приходов и перемещении духовных лиц из одной епархии в другую – не находило бы себе достаточных оснований по соображениям государственного характера. Подлежала, казалось бы, отмене и ст. 55, ставившая возведение в звание проповедника при соборах в зависимость от получения ученой духовной степени тем более, что в основание этой статьи, подобно ст. 43, была положена, в свое время, цель создать особые преимущества для лиц, прошедших курс наук в р.-к. духовной академии, в связи с наблюдавшимся в то время направлением воспитания в этом учебном заведении. Что касается, наконец, ст. 50, то устанавливаемое ее соучастие перечисленных в этой статье лиц и учреждений в управлении епископом епархией не отвечало действительному положению вещей, так как епископы-суфраганы определенной юрисдикции не имели, а по ст. 61 лишь помогали епископу по его поручениям, в отправлении служб, требовавших архиерейского сана. Единственной общегосударственной обязанностью капитулов, составлявших совет епархиального начальника в делах канонических, являлось избрание капитульного vicария по смерти или выбытии епископа. Деканы, церковные настоятели, настоятели монастырей и учебные начальства, в строгом смысле слова, в деле управления не участвовали, являясь только исполнителями предначертаний закона и непосредственного своего начальства. Особыми правами в сферах управления епархиями не располагали также и консистории, которые, согласно каноническим правилам, призваны были лишь к выполнению указаний епископа.

По приведенным соображениям, Комиссия полагала:

1) стст. 46, 47, 48, 51, 52, 53 (ст. 53 отпадала в связи с отменой ст. 55–58), 55, 56, 57, 58 с прим. (ст. 59 (по прод. 1906 г.) 20 марта 1917 г. уже была отменена постановлением Временного правительства, а ст. 60 и прим. исключены были еще в Свод. прод. 1906 г.) и 61 Уст. ин. исп., изд. 1896 г., отменить;

2) ст. 49 сохранить в следующей сокращенной редакции: «духовный суд и управление церковными делами в каждой епархии принадлежат ее епископу» (с исключением из текста ст. 49 указания на обязанность епископов руководствоваться в сфере управления епархиями законами государства, такая обязанность, безусловно, вытекала бы как из общего права, так, в частности, и из ст. 3 Уст. ин. исп., которая требовала от всех вообще духовных управлений соблюдения государственных узаконений);

3) ст. 50 изложить следующим образом: «епархиальный епископ, как главный начальник всех в его епархии духовных установлений р.-к. исповедания, ответствен перед высшим правительством по исполнению правил о надзоре за действиями состоящих в епархии духовных мест и лиц»;

4) ст. 54, устанавливавшую порядок определения к должностям, вступления в монастыри и в духовные и светские училища иностранных духовных р.-к. исповедания, прибывавших в Россию, оставить в силе, исключив, однако, из текста этой статьи слова «вступать в монастыри и в духовные и светские училища и исправлять какие-либо духовные требы не иначе, как», а также заменив слова «министерства внутренних дел» словом «правительства» [8, лл. 110об. – 112].

О порядке отношений светских властей с р.-к. епископами.

В связи с признанием за епархиальными начальниками всей полноты власти в сфере управления церковными делами епархии и возложением на них ответственности за действия состоявших в пределах епархии духовных мест и лиц р.-к. исповедания, Комиссия признала соответственным издать особую законодательную норму, в силу которой все отношения светских властей по делам общего значения производились бы исключительно с епархиальным начальником. После обмена мнениями Комиссия не усмотрела особых оснований к разрешению указанного вопроса в положительном смысле, так как и при существовавшем порядке, все отношения по вопросам общего значения, соприкасавшимся, в частности, с делами РКЦ, должны были производиться с р.-к. епархиальным начальником. Могли, однако, иметь место отдельные случаи, когда возникала необходимость непосредственных отношений властей с отдельными священнослужителями РКЦ, например, для привода к присяге, получения метрических выписей и т.п. В таких случаях обращение к епископу, несомненно, замедлило бы отправление должностными лицами государственных обязанностей [8, л. 112].

Данные материалы 19 июня 1917 г. за № 3049 под заглавием «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России» были представлены на «уважение» Временного правительства министром внутренних дел кн. Львовым, скрепил же их комиссар Временного правительства С.А. Котляревский, резолюция «верно» поставил исполнявший должность директора департамента духовных дел (далее – ДДД) МВД, вице-директор Тарановский [8, л. 149].

Следует также отметить, что ДДД с 15 июня по 17 июля были выполнены следующие работы:

– разработан и внесён 29 июня за № 3413 на уважение Временного правительства законопроект «О распространении законоположений по делам римско-католической церкви в России на церковное управление этой церкви всех обрядов»;

– составлена записка об учреждении министерства исповеданий;

– разработан доклад об упразднении РКДК, об учреждении взамен ее особого учреждения – Съезда р.-к. епископов – и о передаче в его ведение капиталов РКЦ, а также и отпускаемых из казны средств на содержание р.-к. духовных лиц и учреждений (доклад этот был одобрен образованным под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского совещанием);

– 22 июня 1917 г. за № 3281 было сделано представление временному правительству о восстановлении монастыря ордена капуцинов в г. Винницах Подольской губернии [7, лл. 137–139].

30 июня 1917 г. в МВД поступила секретная телеграмма российского поверенного при Св. Престоле за № 47, излагавшая содержание ноты и меморандума Курии, в которой последняя перечисляла те ограничения РКЦ в России, упразднение которых она ожидала. В ноте отмечалось, что переход власти в руки Временного правительства, поднявшего «знамя свободы и равенства», пробудил в Св. Престоле надежду на наступление «эры справедливости и свободы» также и для русских католиков, что образ действия Временного правительства по отношению к Шептицкому и Роппу лишь укрепил эту надежду и что Св. Престол совершенно уверен, что Временное правительство «проникнутое чувствами высокого беспристрастия и горячей любви к свободе, справедливости и праву» не преминет в самом скором времени исправить те тяжелые условия, в которых находилась РКЦ в России при прежнем строе, из-за исключительной строгости к ней законодательства Российской империи, усугублявшегося еще и административными мерами. Далее в ноте говорилось, насколько важно и полезно для России в настоящее, историческое для нее время, как можно скорее уничтожить все стеснения для католиков и приобщить их к «дружному и мирному сотрудничеству всех русских граждан», а равно прочнее согласовывать действия государства и РКЦ, и затем перечислялось в 9 пунктах разработанные в меморандуме ограничения, упразднения которых ожидал Св. Престол: запрещения католикам непосредственных сношений с Папой; цензура актов Св. Престола МВД; запрещение применения некоторых постановлений декрета «No tempere» по смешанным бракам; стеснение, вопреки манифесту 17 апреля 1905 г., перехода в католичество; запрет епископам покидать пределы своих епархий без разрешения МВД; стеснения в вербовке католического духовенства; затруднения, чинимые монашеским орденам и католическим союзам; запрещение внешкольной и внецерковной катехизации и стеснения в выборе языка и преподавания Закона Божия; затруднения, устраиваемые при строительстве р.-к. церквей и собирании церковных сборов.

Поверенный при передаче ноты заверил статс-секретаря Св. Престола, что не замедлит переслать меморандум по назначению, прибавив, что в сущности, как ему известно из беседы с ним, а равно из разговора с недавно приехавшим туда бывшим членом Государственного Совета Скирмунтом, Св. Престол, в данном случае, стучится в открытую дверь [7, лл. 130 – 130об.].

26 июля 1917 г. за подписью заместителя министра-председателя Н. Некрасова и министра внутренних дел Н. Авксентьева Временное правительство приняло постановление № 1287 «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России». В разделе 5 данного постановления оговаривалось, что действие законоположения по делам РКЦ в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов, с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого их этих обрядов в законодательном порядке [8, л. 145об.].

Заключение. Таким образом, действовавшие в Российской империи законодательные положения в отношении прав р.-к. духовенства подверглись пересмотру при Временном правительстве. К этому процессу были привлечены как светские, так и духовные лица. Не взирая на возникшие разногласия, было принято постановление «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России», радикально изменившее сложившуюся систему прав и обязанностей по отношению к р.-к. духовенству. Дальнейший ход событий помешал осуществлению этих положений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kumor, B. Historia Kościoła : w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
2. Walicki, A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska / A. Walicki. – Warszawa : Prószyński i S-ka, 2002. – 462 s.

3. Федоров, В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В.А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.
4. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 496 с.
5. Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века / под ред. Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. – М. : ИВИ РАН; СПб. : Алетейя, 2003. – 324 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. Оп. 133. Д. 622.
7. РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 1740.
8. РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 1741.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб., 1907. – Т. XXIV. 1904. Отд-е. I. Отъ № 23839–25604 и Дополнения. – 1257 с.
10. Сводъ законовъ Россійской имперіи. – СПб., [1896]. – Т. XI, Ч. 1-я. Сводъ учреждений и уставовъ управления духовныхъ дель иностранныхъ исповѣданій христіанскихъ и иноверныхъ. Изданіе 1896 года. – 174, XII с.
11. Законы о состояніяхъ (Св. Зак. Т. IX, изд. 1899 г.) съ дополнительными узаконеніями, разъясненіями Правит. Сената и Св. Синода, циркулярами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и алфавитнымъ указателемъ / Сост. М.Н. Палибинъ. – СПб.: изд. Юридич. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1901. – XXVII, 420 с.
12. Сводъ законовъ Россійской имперіи. – Петроградъ, [1916]. – Т. XIV. Уставъ благочинія и безопасности, Изданіе 1916 года. – 128 с.
13. Полное собрание законовъ Россійской имперіи. Собрание третье.. – СПб., 1909. – Т. XXVI. 1906. Отд-е I. Отъ № 27173–28753 и Дополнения. – 1141 с.
14. Законы гражданскіе (Сводъ Зак. т. X, ч. 1, изданіе 1914 года). С разъясненіями Правительствующаго Сената и комментаріями русскихъ юристовъ, извлеченными изъ научныхъ трудовъ по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 Февраля 1915 года) : в 2 т. / Сост. И.М. Тютрюмовъ. – 5-е изд., испр. и доп. – Петроградъ : изд. Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова подъ фирмою «Законовѣдніе». – Т. 1–IV. – 1527 с.

Поступила 17.09.2020

REGULATION BY THE PROVISIONAL GOVERNMENT OF THE STATUS OF THE ROMAN-CATHOLIC SPIRITUISHMENT (1917)

A. HANCHAR

The measures of the Provisional Government in the field of the position of the Roman Catholic clergy in the country are considered. The article covers the legislative norms in force in the Russian Empire regarding the parish and monastic Roman Catholic clergy. Special attention is paid to the rights and duties of the archbishop-metropolitan and diocesan bishops, the regulation of relations between secular and spiritual authorities. The motives of the representatives of the Roman Catholic Church and the government when making decisions are analyzed.

Keywords: *Russian Empire, the Provisional government, the Roman Catholic Church, the clergy.*